

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

© ЭО, 2004 г., № 2

Народы Западной и Средней Сибири: культура и этнические процессы / Отв. ред. И.В. Локин, Н.А. Томилов. Новосибирск: Наука, 2002. 325 с. (Культура народов России. Т. 6).

В коллективную монографию “Народы Западной Сибири: культура и этнические процессы” вошли разделы, посвященные культуре и современным этническим процессам у русских, латышей, эстонцев, немцев, селькупов, чумлымских тюрков, чувашей, сибирских татар, казахов и шорцев. Важное теоретическое значение имеет раздел Н.А. Томилова “Изучение современных этнических процессов у народов Западной и Средней Сибири учеными омского этнографического направления”.

Автор рассматривает прогнозирование современных этнических процессов как действенный фактор повышения эффективности управленческих решений. Существуют три источника прогнозной информации: опыт, накопленный в результате исследований основных закономерностей развития исследуемого объекта; экстраполяция в будущее существующих тенденций; построение модели исследуемых объектов. Соответственно существуют три взаимодополняющих способа разработки прогнозов: основанная на опросе экспертов экспертиза, экстраполяция и моделирование. В настоящее время все указанные методы применяются в этнографии, но в различной степени. Наиболее распространены построение структурных моделей и простая экстраполяция существующих тенденций в будущее.

Актуальным и перспективным Н.А. Томилов считает направление, связанное с панельными опросами населения по сходной программе. Построение динамических рядов развития компонентов этносов создает объективные условия для совершенствования структурных моделей и перехода к построению имитационных моделей. Повышается достоверность экстраполяций, появляется возможность от простых экстраполяций перейти к учету различных факторов, которые могут существенно изменять ход развития этносоциальных общностей и межэтнических отношений.

Автор раздела обращает внимание на рост этноцентризма у народов и этнических групп Западной Сибири, в том числе и у томских татар. Н.А. Томилов связывает это, главным образом, с беспокойством людей за судьбы своих языков и культур. Однако развитие этнополитической ситуации в Западной Сибири в 1990-х годах, к сожалению, привело к трансформации национально-культурных требований сибирских этносов в политические: очевидно, что при определенных социально-экономических и политических условиях этноцентристские тенденции могут привести к регионализации и даже сепаратизму у некоторых этносов и этнодисперсных групп Сибири.

Авторам коллективной монографии присущ дух высокой гражданственности и патриотизма. В эпоху “парада суверенитетов”, этнического мифотворчества и искусственного удлинения истории различных этносов под предлогом “возвращения к корням” надо обладать большой гражданской смелостью, чтобы заявить: “Не надо приветствовать и преклонение перед всей стариной, как это нередко имеет место в наши дни. В оценке явлений прошлого, как сохраняющихся в нашей действительности, так и влияющих на наше мировоззрение явлений прошедших эпох, необходимо исходить все же из интересов населения, разоблачать домыслы и прямые искажения фактов, не допускать идеализации старины и прежде всего негативных ее явлений” (с. 22).

В разделе “Казахи” (автор Ш.К. Ахметова) отмечается тот факт, что в Омской обл. треть казахского населения проживает в 60 однопациональных поселках. При этом наиболее логичным был бы вывод, что язык и традиционная культура казахов в Омском Прииртышье сохранились лучше, чем в соседней Новосибирской обл., где в 10 однопациональных селениях проживает менее 10% всего казахского населения области. Также автор отмечает, что традиция расселения в смешанных в национальном отношении селах особенно проявилась в последние десятилетия в связи с процессом укрупнения хозяйств, что привело к исчезновению многих мелких казахских населенных пунктов, жители которых разъехались по центральным усадьбам, где основным было население других национальностей (с. 29).

К сожалению, автор раздела “обрубает свой расчет”, говоря о сельских казахах Западной Сибири, и переходит к описанию материальной и духовной культуры городского казахского населения.

Нам представляется ценным замечание Ш.К. Ахметовой о том, что несмотря на обширные межэтнические контакты в производственной сфере и в быту, в семейно-бытовой сфере западносибирская группа казахов сохраняет определенную замкнутость. Так, удельный вес национально-

смешанных браков данной этнической группы за 1935–1982 гг. составил лишь 7–8% от общего числа браков (с. 29–30).

Автор раздела о казахах высказывает ставшее уже хрестоматийным утверждение, что наиболее устойчивым элементом материальной культуры является пища. Так, более 66% городских казахов знают четыре и более национальных блюда, в то же время 67,1% респондентов отметили отсутствие национальных черт в жилище, а 88,5% не нашли их в одежде.

Рассматривая этнические процессы в духовной культуре казахов, Ш.К. Ахметова утверждает, что в настоящий момент они во многом обусловлены русско-казахским двуязычием. В то же время тревожным фактором является сокращение подписных изданий на казахском языке (с 234 экз. газет и 4411 экз. журналов в 1976 г. до соответственно 165 и 4205 – в 1982 г.). К сожалению, по материалам данной главы мы не можем судить о наличии или отсутствии русского функционального моностилизма у городских казахов Западной Сибири, поскольку автор не приводит данных о реальном функционировании русского и казахского языков в семье, быту и на производстве.

Важным представляется нам и заключительный вывод главы о том, что современные “условия жизни привели к трансформации многих традиционных элементов в родильной, свадебной и погребально-поминальной обрядности казахов. При сохранении национальных традиционных форм с элементами архаики обрядность насыщается элементами мусульманской, русской культур и культур других народов” (с. 58).

Раздел И.В. Лоткина, посвященный прибалтийской диаспоре Сибири, на большом фактическом и библиографическом материале (использована также литература на латышском и эстонском языках), раскрывает основные закономерности развития материальной и духовной культуры сибирских латышей и эстонцев. Вместе с тем ряд положений этого раздела, вероятно, нуждается в дополнении и исправлении. Следовало бы подчеркнуть, что в 1960–1970-х годах большинство сельских населенных пунктов с прибалтийским населением стали многонациональными, что означало в перспективе не только грядущее “поглощение” латышей и эстонцев представителями других национальностей, но и их аккультурацию. И.В. Лоткину следовало также отметить роль прессы на латышском и эстонском языках и национальных культурно-просветительных учреждений в создании единого информационного пространства прибалтийских колоний в СССР в 1920–1930-х годах и роль политики “лингваида” в дальнейшем этническом развитии данных национальных групп.

Далее на с. 68 использована ссылка на Х. Кеема, Ю. Вийкберга и Л. Вабу, утверждавших, что эстонцы, занимаясь самогоноварением, сами пили очень редко и в небольших количествах. Введение в научный оборот ряда архивных материалов, в частности по Алтайскому краю, опровергает эту точку зрения.

Самая крупная западная национальная группа Сибири – немцы – рассматривается в разделе Т.Б. Смирновой, справедливо отметившей, что “актуальность данной работы определяется тем, что только в последние годы была снята завеса секретности с проблем, касающихся народов и национальных групп, подвергшихся в годы культа личности Сталина репрессиям, и они стали предметом общественного внимания и научных интересов” (с. 83).

Примечательным в данном разделе является глубокий и выверенный анализ этнического состава сибирских немцев и тенденций развития их этнического самосознания. Т.Б. Смирнова отмечает, что «вследствие стирания языковых и конфессиональных границ идет процесс сближения всех групп немцев Западной Сибири. О консолидационных процессах свидетельствует и появление этнонима “сибирские немцы”, и то, что немцы южных районов Западной Сибири четко осознают свою обособленность и отличие от двух соседних общностей – казахстанских и алтайских немцев. В то же время говорить о сложении единой этнической группы сибирских немцев пока преждевременно, так как у них отсутствует единое этническое самосознание» (с. 95). Автор делает вывод, что развитие этнических процессов у данной группы проходит в двух основных направлениях: а) этноэволюционные процессы межэтнического характера, ведущим среди которых является этническая ассимиляция; б) для западносибирских немцев характерны процессы этнотрансформационного характера и прежде всего этническая консолидация, результатом которой является формирование этнической группы сибирских немцев, проходящее в настоящее время (с. 111).

Глава, содержащая анализ современных этнических процессов у русского населения Западной Сибири (автор М.А. Жигунова), посвящена доминирующему в численном отношении населению региона. Ход и направление этнических процессов у русских оказывает серьезное влияние на остальные этнические группы Западной и Южной Сибири. Отметим, что исследование этноязыковых процессов, являющееся сильной стороной при изучении татар, казахов, немцев и других этносов, при изучении русского населения не работает, поскольку русский язык – “lingua franka” не только для самих русских, но и для всех народов многонациональной России.

По данным М.А. Жигуновой, примерно четверть респондентов обладала вполне выраженным многоуровневым самосознанием. Причем сибиряками назвали себя 15,3% опрошенных в 1986–1988 гг. и 19,1% – в 1994 г., что косвенно указывает на рост регионализма в западносибирском регионе.

Автор раздела считает, что русское население Среднего Прииртышья отличается довольно высокой гетерогенностью, обусловленной спецификой расселения, многоступенчатой миграцией, различными природно-географическими условиями, активными межэтническими контактами (с. 148). Однако, поскольку исследование русского населения региона проводилось в период перехода к постсоветскому устройству общества, М.А. Жигуновой следовало бы уделить больше внимания изменению социальной структуры общества, она же ограничивается замечанием, что в 1990-е годы в информационное пространство включается такой неологизм, как “новые русские”. Также достаточно сомнительна характеристика сибирского казачества как этносоциальной группы: она неполна в отрыве от исторического контекста, так как казачество – это, в первую очередь, служилое сословие феодального общества, и в межнациональных отношениях в регионе оно всегда играло и продолжает играть деструктивную роль.

Не вызывает сомнений формулировка автора статьи о том, что “изменение социально-экономических и политических условий привело к существенным сдвигам в обрядовой сфере”. К сожалению, не дается оценка росту числа культовых сооружений в регионе, что может трактоваться и как рост духовности, и как процветание мракобесия.

Большой интерес вызывает раздел монографии, посвященный селькупам (автор Л.Т. Шаргородский). Как известно, значительное влияние на этническое развитие народов Севера оказывают условия их проживания. Вышеперечисленные народы в своем большинстве уже на протяжении нескольких десятилетий живут в поселках, где бурно протекают процессы ассимиляции и люмпенизации коренного населения, исчезают навыки традиционных промыслов и забывается язык. Губительно сказывается на поселковых жителях пьянство.

Эти же оценки вполне разделяет и Л.Т. Шаргородский применительно к среднеобским и тазовско-туруханским селькупам. По его мнению, в сфере хозяйства и материальной культуры этого народа произошли заметные изменения, которые определяются вытеснением и трансформацией традиционных хозяйственных отраслей и сокращением форм материальной культуры. В большей степени процесс трансформации затронул жилые и хозяйственные постройки, весь комплекс одежды за исключением верхней зимней одежды и обуви. В меньшей степени изменился пищевой рацион, который как у южных, так и у северных селькупов сохраняет свою этническую специфику. Но в питании отчетливо просматривается тенденция к вытеснению традиционных продуктов и замене их новыми, растет число заимствованных блюд (с. 165).

Духовная же культура селькупов, по мнению автора раздела, претерпела более существенные изменения, чем материальная культура и хозяйство. Практически полной нивелировке подверглись праздничная и семейная обрядность, до минимума сузилась сфера бытования традиционных обычаев. Наиболее этноспецифичным остается погребальный обряд, но это характерно только для северных селькупов и связано главным образом с сохранением основных отраслей традиционного хозяйства. Для обеих групп селькупов на современном этапе характерно утверждение определенных черт унифицированной общероссийской культуры (с. 173).

Представляет интерес также замечание о том, что знание фольклора у тазовских селькупов поддерживается не только и не столько путем передачи его из поколения в поколение, сколько путем публикации селькупских сказок и легенд в местной районной газете “Северный край”.

Значительный объем монографии занимает раздел, посвященный сибирским татарам (Н.А. Томилов). Уже сама классификация этого этноса представляет собой определенную проблему, поскольку около 20% проживающих в Сибири татар являются не сибирскими, а поволжско-приуральскими. Поэтому характеризовать ход и направление этнических процессов у сибирских татар возможно лишь в свете их взаимодействия.

Н.А. Томилов считает, что этническая консолидация сибирских татар к настоящему времени еще не завершилась. Они по-прежнему состоят из разрозненных этнических групп – томских, барабинских и тоболо-иртышских татар. В то же время активно проходят процессы сближения сибирских татар с поволжско-уральскими, что способствовало вхождению сибирских татар в татарскую метаэтническую общность, однако не исключает этнического своеобразия сибирских татар.

Можно отметить также частичную ассимиляцию сибирских татар русскими, о чем в частности свидетельствует тот факт, что в русско-татарских семьях при получении паспорта более трех четвертей подростков выбирают русскую национальность. Однако при доминировании в общении русского языка детей учат и татарскому (с. 224).

В культуре сибирских татар в советский период произошли существенные изменения. Наряду с утратой части этнических черт все же заметно и развитие их, особенно в сфере духовной культуры – в устном народном творчестве, народном декоративном искусстве, народной музыке, хореографии, народных знаниях, в некоторых сферах профессиональной культуры. Культурное взаимообогащение особенно заметно развивается у сибирских татар с казахами и поволжско-приуральскими татарами.

Автор отмечает, что среди поволжских и сибирских татар происходят также процессы частичной этнической аккультурации с русскими, а также наблюдается распространение общих интегрированных черт европейской культуры и модернизация этнокультурного облика татар (с. 225).

Достаточно спорной, на наш взгляд, представляется точка зрения автора о том, что реформы и обновление российского общества позволят удовлетворить политические, социальные и национально-культурные запросы сибирских татар. Именно “шоковая терапия” в экономике превратила часть северных районов Омской, южных районов Тюменской и степных районов Новосибирской областей – зону компактного проживания сибирских татар – в регионы экономического бедствия.

Современные этнические процессы у этнодисперсной группы западносибирских чувашей рассмотрены в разделе Д.Г. Коровушкина. Нам представляется ценным указание автора о том, что в современной, так же как и в традиционной материальной культуре чувашей Западной Сибири продолжает отчетливо наблюдаться этнолокальная специфика, сложившаяся к 1920–1930-м годам в результате смешения выходцев из различных районов Чувашии и других областей Поволжья, а также активности культурообмена с местным русским и татарским населением. Это проявляется в формировании единого комплекса различных черт культуры чувашских этнических групп – вирьял и анатри, в многочисленных культурных заимствованиях, отраженных в общих, интегрированных чертах в жилище и системе питания (с. 245).

В области духовной культуры сибирских чувашей особенно тревожен факт нарушения трансмиссии этнической культуры и “вертикальных” (межпоколенных) связей. При этом средства массовой информации не могут заменить неформальное межличностное общение. Это позволяет нам прогнозировать, что этническая аккультурация сибирских чувашей в области духовной культуры пройдет значительно быстрее, чем в материальной.

Достаточно мрачные прогнозы делает В.П. Кривоногов в разделе “Чулымские тюрки”. По его мнению, миграции и ассимиляционные процессы у чулымцев значительно превышают естественный прирост, и если эти тенденции сохранятся, то уже в начале третьего тысячелетия численность их упадет вдвое и составит около 300 чел. (с. 262).

Завершающий раздел монографии – “Шорцы” (Г.М. Патрушева). При анализе хода и направления этнических процессов у этого этноса автор обращает серьезное внимание на роль экономического, социально-культурного и экологического факторов. Индустриализация Горной Шории круто изменила хозяйственные занятия шорцев. Их традиционные охота и рыболовство постепенно исчезают из-за экологического дисбаланса и непрестижности этой деятельности. Происходит постепенное прерывание культурных межпоколенных традиций.

Г.М. Патрушева отмечает, что на начальном этапе советского периода у шорцев завершился процесс этнической консолидации локальных групп в единый этнос. Параллельно с этим протекали процессы межэтнического взаимодействия. Отмечены процессы этнической ассимиляции части шорцев со стороны русских, хакасов, алтайцев, телеутов и представителей других национальностей (с. 315).

Книга обильно иллюстрирована фотографиями и рисунками, отражающими материальную и духовную культуру народов Западной Сибири, однако некоторые разделы (о чувашах и селькупках) вообще не имеют фотографий.

Авторы монографии глубоко озабочены проблемами трансформации и исчезновения многих элементов материальной и особенно духовной культуры у народов Западной Сибири. В то же время значительное внимание уделяется процессам формирования новых общероссийских форм культуры как у коренных народов региона, так и у неславянских этнодисперсных групп.

К недочетам данной коллективной монографии относится, на наш взгляд, весьма фрагментарный и описательный характер этнической истории (особенно неславянских этнических групп). Как справедливо отмечают авторы коллективной монографии, исследование этнической истории позволяет шире, глубже и объективнее взглянуть на общность исторических судеб народов и во многих случаях на их этническое родство, явившееся результатом их взаимодействий в разные исторические периоды, в том числе и на этапе бытования их в составе СССР, и на современном этапе. На наш взгляд, проблема адаптации западных национальных групп в иных природно-климатических условиях и чуждой их менталитету языковой и культурной среде является важнейшей проблемой сибирской этнографической науки. Однако мы надеемся, что глубокое исследование этнической истории сибирских немцев, чувашей и переселенцев из Прибалтики – вопрос недалекого будущего.

Ждут своего исследователя и национальные группы сибирских украинцев и белорусов, изучение этнических процессов у которых могло бы пролить свет на темпы и направление межэтнической интеграции восточнославянского населения Западной Сибири.

Несмотря на указанные недостатки, рецензируемая монография вносит крупный вклад в изучение многонационального населения нашего региона.

Н.А. Алексеев